Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы

В. Е. ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

Т. В. ГАЛИЧ

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема негативного влияния тюремной субкультуры на личность сотрудника уголовно-исполнительной системы. На волне социального кризиса, вызванного распадом СССР, начался процесс проникновения тюремной субкультуры в массовую культуру, что выразилось в широком распространении жаргонных выражений, повышенном интересе к укладу «воровской» жизни, популяризации и романтизации криминальных авторитетов. За всем этим стояло обесценивание норм права, государства и искажение статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы. В настоящее время тюремная субкультура активно внедряется в сознание молодежи через средства массовой информации, интернет-каналы и посредством устной передачи информации. *Цель:* на основе обобщения современного опыта изучения влияния тюремной субкультуры описать основные направления профилактики деструктивного воздействия тюремной субкультуры на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Методы:* в работе использованы методы эмпирического сбора информации (анкетирование, беседа, интервью), а также статистического и системного анализа. *Результаты:* как выяснилось по итогам исследования, подверженными влиянию оказываются не только неблагополучные подростки, но и молодые люди из социально благоприятной среды, которые потом поступают в ведомственные вузы и приходят служить в исправительные учреждения. Зараженность оценивается по степени внутренней вовлеченности молодого человека. В самой легкой форме он просто хорошо информирован о том, что такое тюремная субкультура, знает значение жаргонизмов, понимает логику функционирования группы осужденных и лояльно относится к этим явлениям. В случае более высокой степени зараженности будущие и молодые сотрудники исправительных учреждений не просто демонстрируют информированность и лояльность, но и считают тюремную субкультуру необходимой и полезной, не осуждают коллег, которые обращаются к ней для решения служебных задач, и сами готовы в случае необходимости действовать подобным образом. *Обсуждение:* общая информированность о специфике тюремной субкультуры является необходимой для сотрудника уголовно-исполнительной системы, но это должно оставаться сугубо профессиональным знанием, помогающим правильно оценивать социальные отношения в группе и оперативную обстановку в исправительном учреждении. При этом тюремная субкультура должна объективно рассматриваться как явление антигуманистическое и антиправовое. Поэтому возникает потребность в системной и целенаправленной работе по профилактике распространения и деформирующего воздействия тюремной субкультуры в среде курсантов ведомственных вузов и молодых сотрудников исправительных учреждений.

Ключевые слова: субкультура; тюремная субкультура; осужденные; исправительные учреждения; курсанты; сотрудники исправительных учреждений; профилактика профессиональной деформации; коррекция личности сотрудника исправительного учреждения.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Галич Т. В. Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 328–339. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-328-339.

The Spread of the Prison Subculture as a Driver of Its Destructive Influence on the Personality of Young Correctional Officers

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH

Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Abstract

Introduction: we study the negative impact of the prison subculture on the personality of a correctional officer. Amid the social crisis caused by the collapse of the USSR the prison subculture started to penetrate into popular culture. This was reflected in the widespread use of prison slang, increased interest in the way of “thieves’ life”, and the popularization and romanticization of crime bosses. Behind all this was the devaluation of the norms of law and the state, and the distortion of the status of the penal system officer. *Aim:* on the basis of generalization of modern experience in studying the impact of the prison subculture, we describe main directions aimed at preventing the destructive impact of the prison subculture on the personality of young correctional staff. The article deals with the issue of modern dissemination of the prison subculture among young people via the mass media, the Internet and oral transmission of information. *Methods:* we use empirical data collection methods (questionnaires, conversations, interviews), and methods of statistical analysis and system analysis of the data collected. *Results:* the findings of our research show that the prison subculture infects not only disadvantaged teenagers, but also young people from a socially favorable environment, who then enter departmental universities and serve in correctional institutions. Infection is assessed by the degree of internal involvement of a young person in the prison subculture. In the lightest form of this infection, they simply are well informed about what it is, know the meaning of prison slang expressions, understand the logic of the functioning of groups of inmates, and are favorably disposed toward these phenomena. When the infection is more complex, future and young correctional officers not only demonstrate awareness and tolerance, but also consider the prison subculture necessary and useful; they do not condemn colleagues who use it in solving official tasks and are themselves ready, if necessary, to act in this way. *Discussion:* general awareness of the specifics of the prison subculture is necessary for the penal system officer, but it should remain a professional knowledge that helps to assess social relations in the group and the operational situation in the correctional institution adequately. At the same time, the prison subculture should receive an objective assessment as an anti-humanistic and anti-legal phenomenon. Therefore, there is a need for systematic and targeted work to prevent the spread and deforming effects of the prison subculture among cadets of departmental universities and young correctional officers.

Key words: subculture; prison subculture; inmates; correctional institutions; cadets; correctional officers; prevention of professional deformation; correction of the personality of a penal officer.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Lapshin V.E., Galich T.V. The spread of the prison subculture as a driver of its destructive influence on the personality of young correctional officers. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 328–339. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-328-339.

Введение

Понятие субкультуры впервые появляется в Чикагской школе социологии в контексте исследований на стыке социологии и этнографии и относится к жизни этнических сообществ и маргинальных групп [2].

Говоря о тюремной субкультуре, мы подразумеваем совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы [6, с. 31]. То есть речь идет не просто о наборе условностей, а о социальном регуляторе, который определяет специфику развития социально-психологических явлений в исправительном учреждении и формирует социально-психологический климат внутри него. Большое количество людей, находящихся в исправительных учреждениях, неизбежно определяют свои ценности и требуют от членов сообщества считаться с принятыми в этой среде нормами и традициями [1].

Сами нормы и ценности криминальной и тюремной субкультуры обладают высокой степенью референтности, являются мощными регуляторами индивидуального поведения, так как действуют через механизмы психического заражения, подражания и прессинга [3].

По мнению исследователей, тюремная субкультура является самоорганизующейся системой, которая характеризуется появлением новых свойств у уже имеющих групп субъектов, что сохраняет ее и позволяет ей адаптироваться к новым условиям [12]. При этом в настоящее время тюремная субкультура обретает новые каналы распространения – интернет и социальные сети [11].

Как отмечают исследователи, специфика тюремной субкультуры является следствием особенностей ее формирования и функционирования [4]. Ключевыми факторами выступают закрытость среды учреждения, изоляция, ограничение возможности выбора круга общения или рода занятия. Со-

держание тюремной субкультуры включает в себя не только нормы поведения и стратификацию, но и лексику, фольклор, эстетику [16]. Особую привлекательность для молодежи обеспечивает присущий ей игровой характер [15]. В местах лишения свободы включение в тюремную субкультуру является вынужденным, поскольку выступает одним из способов адаптации к условиям отбывания наказания.

А. Н. Олейник выделяет следующие критерии исследования структуры тюремной субкультуры: степень дифференциации сфер повседневной деятельности, степень персонификации отношений, степень дуализма социальных норм и степень институционализации насилия [10]. В условиях исправительного учреждения осужденный практически не имеет возможности вести частную жизнь. Он все время на виду, среди других осужденных и сотрудников, поэтому постепенно даже помимо своего желания пропитывается тюремной субкультурой и начинает противопоставлять себя уголовно-исполнительной системе, государству и закону.

Как и любая другая субкультура, тюремная отражает ценности и моральные нормы основных своих носителей – осужденных. Поэтому под внешней «романтикой» скрывается мир, который ориентирован на антиправовое и антигуманистическое поведение. Именно такой тип действий, возведенный в идеал, позволяет осужденным сохранять уважение к себе, находить свое место в преступном мире и поддерживать свой авторитет. Само по себе наличие тюремной субкультуры в местах лишения свободы является проблемой, снижающей эффективность воспитательного воздействия и повышающей уровень пенитенциарной преступности, особенно если и сами сотрудники попадают под ее влияние.

Особую опасность в настоящее время представляют выход тюремной субкультуры за пределы исправительных учреждений и

слияние ее с массовой культурой. В современной российской и западной реальности элементы тюремной субкультуры стали частью разнообразных сфер жизнедеятельности. Примеры использования ритуалов, традиций, лексики и норм поведения можно встретить в масс-культуре, политике, бизнесе, повседневном быту [14; 17; 18; 19].

А. И. Солженицын, готовя к изданию повесть «Один день Ивана Денисовича», дополнил текст специальным кратким словарем блатного жаргона, поскольку в 1962 г. с этими пластом лексики была знакома лишь та часть населения, которая была связана с уголовно-исполнительной системой. Достаточно долгое время интерес к тюремной субкультуре носил узкоспециальный характер, но уже в 1990-е гг. на волне социального кризиса это явление стало проникать в общую культуру. С одной стороны, этому способствовала криминализация населения, с другой – популяризация и романтизация тюремной субкультуры в фильмах и сериалах («Бригада», «Бандитский Петербург», «По прозвищу Зверь» и пр.).

В процессе такого слияния тюремная лексика стала общеупотребимой, а нормы «воровского закона» получили распространение среди молодежных группировок, что привело к образованию движения АУЕ, активному использованию соответствующих мотивов в творчестве современных исполнителей, имеющих успех у молодежи. Основной проблемой становится тот факт, что во всех этих проявлениях сохраняется заложенная в 1990-е гг. традиция обеления криминала и оправдания антигуманных и антиправовых действий преступников.

Если необходимость профилактики распространения тюремной субкультуры в среде осужденных (в особенности несовершеннолетних) очевидна и давно уже является объектом активного внимания пенитенциарных педагогов и психологов (М. Г. Дебольского, В. Ф. Пирожкова, В. М. Позднякова и пр.), то об актуальности целенаправленной и системной профилактики негативного влияния тюремной субкультуры на личность молодого человека, не связанного с уголовно-исполнительной системой, заговорили относительно недавно.

Как отмечает С. А. Лузгин, элементы тюремной субкультуры активно внедряются в молодежную среду, что является опасной негативной тенденцией, поскольку этот процесс вызывает разрушительные послед-

ствия для личностного формирования молодого человека [8].

Исследования несовершеннолетних осужденных выявляют, что первичное заражение тюремной субкультурой происходит именно на свободе и подростки поступают в воспитательные колонии с уже сложившимися «воровскими» взглядами и ценностями [13].

Но как показывает практика, сходная тенденция начала выявляться среди абитуриентов ведомственных вузов и молодых сотрудников исправительных учреждений. Если в прошлом зараженность тюремной субкультурой была одним из признаков профессиональной деформации сотрудника исправительного учреждения и проявлялась после нескольких лет работы в учреждении, то на сегодняшний день на службу в уголовно-исполнительную систему приходят молодые люди, которые уже заочно знакомы с тюремной субкультурой по фильмам, песням, статьям и роликам популярных блогеров в Интернете. Как уже отмечалось выше, подавляющая часть этого культурного материала прививает симпатию к криминальной жизни и криминальным ценностям.

Исследование

В 2019–2020 гг. нами было проведено исследование, направленное на определение возможностей коррекции вовлеченности курсантов Владимирского юридического института ФСИН России и молодых сотрудников исправительных учреждений в тюремную субкультуру.

Целью исследования являлось выявление способов коррекции вовлеченности курсантов и молодых сотрудников в тюремную субкультуру. Для достижения этой цели предполагалось решить следующие задачи:

1. Определить уровень вовлеченности курсантов и молодых сотрудников в тюремную субкультуру.

2. На основании этого разработать коррекционную программу, направленную на нейтрализацию негативного воздействия субкультуры.

3. Провести анализ результатов внедрения программы.

Гипотеза исследования: вовлеченность в тюремную субкультуру у курсантов ведомственного вуза и молодых сотрудников исправительных учреждений является поверхностной и стихийной, а потому может быть скорректирована через систему психолого-педагогических мероприятий.

В исследовании участвовали сотрудники исправительных учреждений со стажем службы от 1 года до 3 лет (30 чел.), проходящие обучение на заочном отделении юридического факультета и курсах первоначальной подготовки на факультете профессионального образования и дополнительного образования ВЮИ ФСИН России, а также курсанты 2 курса очного обучения юридического факультета ВЮИ ФСИН России (30 чел.).

Для определения уровня вовлеченности в тюремную субкультуру использовались методы анкетирования, опроса и экспертных оценок. Поскольку мы имели возможность наблюдать респондентов в учебной и служебной деятельности, то могли оценить их взаимоотношения с коллегами, отношение к дисциплине и служебным обязанностям, уровень общей культуры. В качестве экспертов выступали преподаватели ВЮИ ФСИН России и сотрудники исправительных учреждений, занимающие руководящие должности или выступающие в качестве наставников.

При разработке анкеты мы ориентировались на теорию Л. Колберга, согласно которой мораль представляет собой процесс, состоящий из когнитивного, операционального, мотивационного уровней [10].

Когнитивный уровень включает в себя систему усвоенных личностью убеждений, знаний, понятий, правил, оценок, норм, ценностей, а также отношение к этим явлениям. Мотивационный уровень подразумевает внутреннее разрешение применить на практике элементы тюремной субкультуры для удовлетворения своих потребностей. Операциональный уровень связан с тем, что употребление элементов субкультуры входит в практику реальной деятельности.

О поверхностном уровне вовлечения можно говорить в том случае, если респондент имеет общие сведения о тюремной субкультуре как социальном явлении, испытывает к ней профессиональный интерес, продиктованный служебными обязанностями, относится негативно, не представляет себя частью тюремной субкультуры, не использует элементы тюремной субкультуры в повседневной личной или служебной деятельности сам и осуждает их использование другими сотрудниками.

Пограничный уровень вовлечения подразумевает, что респондент осведомлен о тюремной субкультуре, испытывает к ней

не только профессиональный, но еще и личный интерес, относится нейтрально, использует элементы тюремной субкультуры в служебной и личной жизни (употребление жаргона), может считать некоторые нормы тюремной субкультуры справедливыми и оправдывать их существование необходимостью, одобряет случаи использования элементов тюремной субкультуры сотрудниками исправительного учреждения в служебных целях.

Критичный уровень вовлечения имеет место в том случае, если респондент глубоко знает тюремную субкультуру на уровне нюансов, стремится к погружению в нее и видит в ней возможности для самореализации, одобряет ее существование и считает это необходимым для качественного функционирования исправительного учреждения, разделяет ценности тюремной субкультуры, относится к ней позитивно, поддерживает сотрудников, которые не ведут борьбу с тюремной субкультурой, а используют ее для достижения служебных целей.

Вопросы анкеты были направлены на выявление уровня осведомленности респондентов о тюремной субкультуре (общие сведения, специфические нюансы, особенности становления), их отношения к различным случаям проявления тюремной субкультуры среди осужденных и сотрудников (симпатизируют, оправдывают, затрудняются оценить, оценивают негативно и пр.), а также на оценку готовности действовать в спорных служебных ситуациях с позиции норм тюремной субкультуры (предлагалось выбрать вариант действия из готовых либо написать свой вариант).

Экспертов просили оценить, насколько молодые люди, поступающие на службу в исправительные учреждения, вовлечены в тюремную субкультуру, какие сложности это вызывает в их адаптации и профессиональном развитии.

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Обе группы респондентов (курсанты и сотрудники) хорошо знакомы с историей, элементами и структурой тюремной субкультуры. На просьбу перечислить элементы тюремной субкультуры они называли жаргон, жесты, татуировки, фольклор, поделки, своды законов, иерархию осужденных, ритуалы и давали конкретные определения этим явлениям, могли привести примеры.

В группе курсантов часть информации является устаревшей или преувеличенной, поскольку у второкурсников еще не было практики в исправительных учреждениях и все сведения поступили к ним из открытых информационных источников. Молодые сотрудники также отмечали, что пришли на службу в исправительное учреждение, уже обладая знаниями о тюремной субкультуре и ее влиянии на отношения внутри группы осужденных.

На вопрос об источниках получения информации о тюремной субкультуре были получены следующие ответы:

- средства массовой информации – 51 %;
- фильмы и сериалы – 31 %;
- общение со сверстниками в школе – 13 %;
- разговоры в семье – 5 %.

Таким образом, можно видеть, что доля открытых информационных источников достаточно велика. Информация, содержащаяся в них, носит искаженный характер, не соответствует времени, эмоционально окрашена, поддерживает популярную тенденцию создания негативного образа сотрудника силового ведомства.

2. Респонденты из обеих групп хорошо знакомы со сленговыми выражениями, характерными для тюремной субкультуры. Такие выражения, как запахло, беспредел, отрицалово, загаситься, зашквар и пр., активно используются ими в речи. Сами опрошенные не видят ничего предосудительного в употреблении этих слов, воспринимают их как часть повседневности, не считают, что они засоряют речь или предполагают ассоциацию с тюремной субкультурой. Респонденты указали, что помимо отдельных слов употребляют такие устойчивые выражения, как «его место у параши», «пошли на стрелку перетереть вопрос», «кипешнул и слил» и пр.

3. В том блоке вопросов, который касался отношения к тюремной субкультуре, проявилось расхождение во мнениях.

Сотрудники, уже имеющие небольшой опыт работы и непосредственного взаимодействия с криминализированными личностями, указывали на негативные проявления субкультуры. Усредненная оценка проявлений тюремной субкультуры в этой группе может быть сформулирована следующим образом: тюремная субкультура деформирует личность, негативно воздействует на людей, лишает их чувства собственного достоинства, толкает на преступления, но при

этом она удерживает порядок внутри учреждения и с ней трудно бороться.

Респонденты второй группы (курсанты), лично еще не знакомые с носителями тюремной субкультуры, давали разные оценки этому явлению, что не позволяет привести единое усредненное высказывание. Ответы этой группы распределилось следующим образом: 5 % затрудняются выразить свое отношение; 20 % считают тюремную субкультуру важным историческим и культурным элементом уголовно-исполнительной системы, романтизируют, придают ей несуществующую значимость; 25 % видят негатив субкультуры в открытом проявлении насилия и покушении на половую неприкосновенность, но считают, что она должна существовать, чтобы сохранять порядок; 30 % признают антигуманное содержание тюремной субкультуры, но проявляют активный интерес к отдельным личностям (ворам в законе); 50 % нейтрально относятся к тюремной субкультуре, как к любой другой субкультуре.

Еще раз подчеркнем, что для респондентов первой группы (сотрудники) характерно менее позитивное и романтическое отношение к субкультуре. Ими отмечаются ее негативный характер, разлагающее влияние на людей. Это объясняется тем, что данные лица непосредственно взаимодействуют с реальными носителями тюремной субкультуры и не питают иллюзий по поводу бескорыстной защиты слабых невинно осужденных и помощи им. Однако в этой группе также высказывается мнение о том, что сотруднику тяжело противостоять явлениям субкультуры и она может быть полезной для сотрудника.

4. В ответах курсантов можно наблюдать тенденцию к мифологизации и романтизации деятельности воров в законе. Респондентам предлагалось перечислить качества, присущие криминальным. Наиболее употребляемыми характеристиками были «смелый», «сильный», «умный», «умеет управлять людьми», «решительный», то есть выделялись позитивные характеристики, которые переводят криминального авторитета с уровня преступника на уровень героя.

В качестве источника знаний о криминальном авторитете упоминались ролики из сети YouTube, запись интервью Александра Северова (НТВ, «Исповедь вора в законе», 2014 г.) и пр.

В группе сотрудников характеристики были либо нейтральными («тоже люди», «сложные»), либо отрицательными («отможенные», «хитрые», «опасные»). При этом в беседе сотрудники отмечали, что до прихода на службу тоже питали иллюзии и верили недостоверной информации.

5. Общим в ответах сотрудников и курсантов было указание на то, что сама среда исправительного учреждения нередко уравнивает осужденного и сотрудника, поскольку на обоих оказывается давление (со стороны режима и условий реализации служебной деятельности соответственно). Как отмечали респонденты, не всегда администрация исправительного учреждения корректно ведет себя в отношении сотрудников, особенно молодых. Подобное отношение снижает самооценку сотрудника, дезориентирует его в служебных отношениях и приводит к осознанию общих черт в своем положении и положении осужденного. Это приводит к быстрому усвоению тюремной субкультуры.

Таким образом, можно видеть, что у подавляющего числа опрошенных проявляется когнитивная зараженность, то есть на когнитивном уровне тюремная субкультура воспринимается не как часть мира исполнения служебных обязанностей, а как часть общекультурного мира – участники опроса признают ее право на существование и скорее готовы к ней адаптироваться, чем искоренять.

Кроме того, из всего количества опрошенных 34 % положительно оценили случаи, в которых сотрудник решал служебные задачи через средства тюремной субкультуры (договаривался с криминальным авторитетом, например), а 15 % указали, что сами готовы в служебной деятельности не только учитывать проявления тюремной субкультуры, но при необходимости использовать их для решения служебных задач.

Таким образом, у почти трети респондентов наблюдается мотивационное заражение.

К сожалению, отсутствие возможности непосредственного наблюдения за исполнением служебных обязанностей испытуемыми не позволяет сделать вывод об операционной зараженности, но при наличии когнитивной и мотивационной риск проявления соответствующих тенденций в операционной сфере становится достаточно высоким.

Полученные результаты не позволяют говорить о критичном уровне вовлечения в тюремную субкультуру. По итогам анализа анкет и бесед было установлено, что 45 % респондентов поверхностно вовлечены в тюремную субкультуру, из них 65 % – курсанты и 35 % – сотрудники. Преобладание курсантов можно объяснить тем, что они имеют более высокий уровень общей культуры, больше возможностей для саморазвития (участие в научной и творческой деятельности, постоянный личностный рост), а также более широкий круг общения, в который входят люди, не связанные со службой в уголовно-исполнительной системе.

35 % опрошенных имеют пограничный уровень вовлечения, близкий к поверхностному (то есть проявляют повышенный интерес к тюремной субкультуре, могут использовать некоторые ее элементы в жизни, но не одобряют их применение в служебных ситуациях), из них 88 % – сотрудники и 12 % – курсанты. У курсантов это продиктовано высоким уровнем интереса к тюремной субкультуре и наличием искаженных представлений об этом явлении. Что касается сотрудников, то мы видим причину развития вовлечения в восприятии тюремной субкультуры как возможности эмоционально выразить себя (употребление жаргона) или снять стресс от адаптации к службе в исправительном учреждении (используют элементы субкультуры, чтобы не выделяться, выглядеть более опытными).

20 % респондентов обнаружили пограничный уровень вовлечения, близкий к критичному (то есть разделяют ценности субкультуры, оправдывают ее существование, считают ее возможным инструментом своей профессиональной деятельности, но пока не применяют на практике и не живут по соответствующим нормам). В эту категорию вошли только сотрудники. Такой уровень вовлечения объясняется узостью кругозора, ограниченным кругом общения, отсутствием интереса к саморазвитию.

Социально-психологические аспекты, требующие коррекции

На основе полученных результатов нами были выделены основные проблемы, требующие внимания:

1. Многие проявления тюремной субкультуры подаются в современной молодежной среде как норма общения, и молодые сотрудники не видят ничего предосудительного в том, чтобы демонстрировать харак-

терное для тюремной субкультуры антиправовое поведение, неуважение к государству и праву, пренебрежение к людям. Поэтому курсанты и молодые сотрудники заражаются субкультурой стихийно, просто находясь в общем информационном потоке, и часто не в состоянии вычленить проявления тюремной субкультуры в своем общении и поведении.

2. Сотрудники считают тюремную субкультуру важной частью общего механизма социального взаимодействия внутри исправительного учреждения и начинают неосознанно ассоциировать себя с ней, если не обладают сформированными представлениями о себе как о служителях закона и носителях гуманистических ценностей, считают тюремную субкультуру удобным рабочим инструментом и не знают, как выстраивать работу другими методами.

Первая проблема связана с нехваткой объективной полной информации о тюремной субкультуре, а существование второй обусловлено слабостью личности, низким уровнем осознанности и недостаточной сформированностью представлений о возможностях противостояния влиянию тюремной субкультуры.

Профилактика распространения тюремной субкультуры требует реализации системного подхода. Нейтрализацию ее негативного влияния необходимо осуществлять в трех направлениях – общесоциальном, специальном и индивидуальном [5; 7; 9].

Программа профилактических мероприятий

С учетом выявленных проблем была составлена программа коррекционной и профилактической работы.

Целью ее было нейтрализовать негативное воздействие тюремной субкультуры на личность сотрудника на когнитивном и мотивационном уровнях.

Для достижения этой цели требовалось решить следующие задачи:

- информировать об истории, развитии и сущности тюремной субкультуры;
- провести работу по формированию представлений о себе как российском офицере, представляющем закон и обладающем высокой культурой, защитнике гуманистических ценностей;
- сформировать негативное отношение к тюремной субкультуре, которое будет побуждать к дистанцированию от ее норм и проявлений;

– обучить противостоянию влиянию тюремной субкультуры и искоренению ее элементов в служебной деятельности и общении.

В реализацию программы были включены все те, кто был задействован на предыдущем этапе, но основной целевой аудиторией являлись курсанты и сотрудники, которые оказались в зоне риска (то есть имели пограничную степень вовлечения в тюремную субкультуру).

Для участия в программе курсанты и сотрудники были объединены в группы по 20 чел., длительность одного занятия составила 1,5 ч.

Первым этапом программы стало информирование. Этот этап включал в себя два занятия. На первом рассматривались история формирования тюремной субкультуры, становление ее идеологии и философии, ее функции в мире криминала. На втором занятии обсуждались вопросы негативного влияния тюремной субкультуры на личность и жизнь осужденных и сотрудников. Занятие проводилось в форме проблемной лекции с элементами визуализации.

В рамках этого направления были предложены следующие темы для обсуждения: «Проявления негативного влияния криминальной субкультуры в современном исправительном учреждении», «История развития криминальной субкультуры», «Функции, целесообразность и классификация атрибутов тюремной субкультуры», «Негативное влияние тюремной субкультуры на личность и поведение сотрудника», «Правонарушения, продиктованные влиянием криминальной субкультуры».

Теоретическая информация подавалась короткими блоками (по 10 мин), после чего следовал этап обсуждения проблемных вопросов, таких как:

- каким образом условия исправительного учреждения способствуют распространению криминальной субкультуры?
- в чем притягательность криминальной субкультуры для сотрудника?
- какие меры борьбы с распространением криминальной субкультуры могли бы быть эффективными?

Для наглядности демонстрировались видеофрагменты, включающие реальные проявления тюремной субкультуры, показывающие ее негативное влияние на социально-психологический климат в учреждении, личность и жизнь осужденного и сотрудника.

К примеру, большой отклик у аудитории вызвал фильм «Калина красная» (1974 г.), который на протяжении нескольких десятилетий не утрачивает своей актуальности и показывает отдаленные последствия приобщения к воровской жизни: утрату семьи, горе матери, сложности с восстановлением социальных связей, неуважение людей и в итоге невозможность выйти из этого порочного круга.

Второй этап программы был направлен на активное обучение социально важным навыкам поведения, позволяющим противостоять влиянию тюремной субкультуры и искоренять элементы тюремной субкультуры в служебной деятельности и личном общении. Для успешной его реализации было важно активизировать личностные ресурсы сотрудника, сформировать в нем профессиональную самооценку и профессиональную гордость, минимизировать негативные последствия влияния тюремной субкультуры. Работа имела целью формирование у сотрудника представления о себе как об офицере, защитнике правопослушных граждан, слуге закона; закрепление навыков ответственного поведения и умения прогнозировать последствия своих поступков; развитие способности противостоять негативному влиянию среды и группы.

В рамках нашего исследования эта задача решалась в ходе проведения тренинговых занятий. Было реализовано 3 занятия (работа в группах по 20 чел. в течение 1,5 ч).

Первое занятие: осознание причин проявления интереса к тюремной субкультуре и вовлечения в нее (как на уровне общества, так и на личном уровне). Использовались методы мозгового штурма, работа в подгруппах и парах.

Второе занятие: тренировка навыка определения проявлений тюремной субкультуры в деятельности сотрудника. Участникам группы предлагались различные ситуации из практики исправительных учреждений, в которых надо было выявить элементы субкультуры и дать оценку действиям сотрудников, предложить альтернативу. Использовались элементы кейс-метода и ролевые игры.

Третье занятие: формирование и закрепление социально важных форм поведения, направленных на противостояние тюремной субкультуре. На этом занятии прорабатываются краткосрочные и долгосрочные выгоды отказа от тюремной субкультуры, форми-

руется мотивация следования выбранному направлению поведения, определяются ресурсы, которые могут стать поддержкой в этом процессе.

На завершающем этапе программы были проведены заключительные встречи по группам, где были осуществлены подведение итогов, обсуждение результатов, сбор обратной связи и контрольное анкетирование.

По итогам реализации программы были получены следующие результаты:

Количество участников программы, демонстрирующих критичный уровень вовлечения в тюремную субкультуру, сократился с 75 до 30 %. Уменьшение произошло как за счет тех респондентов, кто в начале программы был ближе к поверхностному вовлечению, так и тех, кто был ближе к критичному вовлечению.

Участники программы отметили для себя следующие изменения:

- появилось больше всесторонних знаний о тюремной субкультуре, позволяющих делать собственные выводы о ее сути, функциях в современном мире и необходимости сохранения;
- начали задумываться о долгосрочных последствиях вовлечения в тюремную субкультуру и видеть ее деструктивное воздействие;
- начали отмечать проявления тюремной субкультуры в своем поведении и поведении других людей, массовой культуре и общем информационном пространстве;
- появились понимание серьезности и масштабности проблемы и уверенность в том, что распространение тюремной субкультуры можно контролировать своими личными усилиями: не допускать у себя, давать правильную оценку в обществе, рассказывать о настоящем содержании и пр.;
- пришло желание не ассоциировать себя с миром криминала через применение жаргонных слов, ритуалов и норм поведения;
- появилось понимание того, что сложные ситуации в исправительном учреждении надо решать правовыми методами, захотелось больше узнать об этом, стать настоящим профессионалом своего дела;
- появилось чувство гордости за профессию.

Мы можем заключить, что гипотеза нашего исследования подтвердилась и цель его была достигнута, но для глобальных перемен и обеспечения закрепления изменений

требуется реализация мер общего системного характера со стороны администраций исправительных учреждений и образовательных организаций.

Во-первых, необходим постоянный мониторинг открытых информационных источников. Поскольку молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, важно своевременно реагировать на резонансные материалы, которые появляются в популярных блогах и на видеоканалах. Открытое их обсуждение и профессиональная оценка позволят курсантам и молодым сотрудникам правильно сориентироваться в ситуации и сделать верные выводы.

Во-вторых, следует вести постоянную работу по выявлению и пресечению прояв-

лений элементов тюремной субкультуры в поведении сотрудников. Важно постоянно демонстрировать позицию непримиримости в отношении подобных тенденций, открыто порицая выявленные факты такого рода и поощряя тех, кто систематически придерживается норм правового и гуманистического толка.

В-третьих, необходимо уделять внимание повышению общего культурного уровня сотрудников, формированию привычек здорового образа жизни, привлечению к волонтерству и благотворительности, вовлечению в общественную деятельность (в том числе и по профилактике распространения тюремной субкультуры среди несовершеннолетних).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфиногенов, В. А. Человеческие потребности, интересы и ценности в тюремной субкультуре / В. А. Афиногенов // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 98–101. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-potrebnosti-interesy-i-tsennosti-v-tyuremnoy-subkulture> (дата обращения: 19.05.2021).
2. Белоусова, М. М. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности / М. М. Белоусова, О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2010. – № 8 (79), выпуск 12. – С. 30–40.
3. Гусев, М. В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России / М. В. Гусев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2007. – № 5. – С. 112–115.
4. Клеймёнова, Е. Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия / Е. Г. Клеймёнова // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 33–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyy-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 12.10.2020).
5. Князева, О. В. Нейтрализация влияния тюремной субкультуры как составляющая процесса предупреждения пенитенциарной преступности / О. В. Князева, М. О. Сивцова // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 607–613.
6. Кожевников, Т. С. Тюремная субкультура : учебное пособие / Т. С. Кожевников. – 2-е изд., доп. и перераб. – Киров : ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2013. – 90 с.
7. Лузгин, С. А. Направления, стратегии и программы профилактики элементов тюремной субкультуры среди молодежи / С. А. Лузгин // Башкатовские чтения: «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде» : материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова / под общей редакцией М. Н. Филиппова. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2019. – С. 128–133. – ISBN 978-5-98492-435-1.
8. Лузгин, С. А. Профилактика распространения тюремной субкультуры в среде подростков и молодежи / С. А. Лузгин, Т. В. Кириллова, М. И. Кузнецов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 7 (206). – С. 29–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-rasprostraneniya-tyuremnoy-subkultury-v-srede-podrostkov-i-molodezhi> (дата обращения: 01.03.2021).
9. Нарусланов, Э. Ф. Профилактика молодежного экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, В. В. Горовой // Юридическая наука. – 2019. – № 3. – С. 60–63. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Олейник, А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А. Н. Олейник. – Москва : Инфра-М, 2001. – 418 с. – ISBN 5-16-000765-2.
11. Полищук, В. Е. К вопросу об аксиологии тюремной субкультуры / В. Е. Полищук, С. Б. Пономарев // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 180–182.
12. Пономарев, С. Б. Тюремная субкультура с позиции теории систем / С. Б. Пономарев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 1 (212). – С. 38–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-s-pozitsii-teorii-sistem> (дата обращения: 19.05.2021).
13. Румянцев, Н. В. О состоянии и мерах по профилактике криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 112–115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-kriminalnoi-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-soderzhaschihsya-v-uchrezhdeniyah-ugolovno> (дата обращения: 01.03.2021).

14. Тищенко, Н. В. Тюремная субкультура в пространстве культурных практик : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Тищенко Наталья Викторовна. – Саратов, 2013. – 42 с.
15. Ткачева, Е. П. Функции игры в тюремной субкультуре / Е. П. Ткачева // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 130–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-igry-v-tyuremnoy-subkulture> (дата обращения: 19.05.2021).
16. Юнусов, А. А. Профилактика распространения субкультуры среди осужденных к лишению свободы посредством организации религиозного воспитания / А. А. Юнусов, С. А. Юнусов, Н. В. Жезлов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 4. – С. 51–53.
17. Percival, G. L. Smart on Crime: The Struggle to Build a Better American Penal System / Garrick L. Percival. – Boca Raton : CRC Press, 2015. – 265 p. – ISBN 978-1-4987-0313-0.
18. The Penal System: An Introduction / Mick Cavadino, James Dignan, George Mair, Jamie Bennett. – Newbury Park : SAGE Publications, 2019. – 413 p. – ISBN 978-1-5264-6069-1.
19. Weston, J. Medicine, the Penal System and Sexual Crimes in England, 1919–1960s: Diagnosing Deviance / Janet Weston. – London : Bloomsbury Publishing, 2017. – 263 p. – ISBN 978-1-3500-2109-9.

REFERENCES

1. Anfinogenov V.A. Human needs, interests and values in the prison subculture. *Obshchestvo i pravo=Society and Law*, 2014, no. 1 (47). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-potrebnosti-interesy-i-tsennosti-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
2. Belousova M.M., Koval'chuk O.V., Rimskii V.P. Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 2. Genesis and evolution of subcultures of childhood and youth. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*=Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law, 2010, no. 8 (79), issue 12, pp. 30–40. (In Russ.).
3. Gusev M.V. The problem of the spread of the criminal subculture in Russia. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Bulletin KuzSTU*, 2007, no. 5, pp. 112–115. (In Russ.).
4. Kleimenova E.G. Prison subculture as a special type of social interaction. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"*=Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2012, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyi-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
5. Knyazeva O.V. Sivtsova M.O. Neutralizing the influence of the prison subculture as a component of the process of preventing prison-related crime In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom. Sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international research-to-practice conference]. 2018. Pp. 607–613. (In Russ.).
6. Kozhevnikov T.S. *Tyuremnaya subkul'tura: ucheb. posobie* [Prison subculture: a textbook]. Second edition, revised and supplemented. Kirov: FKOU DPO Kir. IPKR FSIN Rossii, 2013. P. 31.
7. Luzgin S.A. Directions, strategies and programs for the prevention of elements of prison subculture among young people. In: Filippov M.N. (Ed.). *Materialy devyatsat'sat' Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki RF Ivana Pavlovicha Bashkatova* [Proceedings of the nineteenth All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Ivan Pavlovich Bashkatov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation]. 2019. Pp. 128–133. (In Russ.).
8. Luzgin S.A., Kirillova T.V., Kuznetsov M.I. Prevention of the spread of the prison subculture among adolescents and youth. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2019, no. 7 (206). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-rasprostraneniya-tyuremnoy-subkultury-v-srede-podrostkov-i-molodezhi> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
9. Naruslanov E.F., Novikov A.V., Gorovoi V.V. Prevention of youth extremism in institutions of the penal system. *Yuridicheskaya nauka=Legal Science*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitel'noy-sistemy> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
10. Oleinik, A.N. *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow, 2001. 418 p.
11. Polishchuk V.E., Ponomarev S.B. To the issue of the axiology of prison subculture. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2-ukh chastyakh* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, in 2 parts]. Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii. 2019. Pp. 180–182. (In Russ.).
12. Ponomarev S.B. Prison subculture from the standpoint of the theory of systems. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2020, no. 1 (212). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-s-pozitsii-teorii-sistem> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
13. Rumyantsev N.V. On the status and measures for the prevention of criminal subculture among minors held in the institutions of the penitentiary system. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-kriminalnoi-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-soderzhaschihsya-v-uchrezhdeniyah-ugolovno> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
14. Tishchenko N.V. *Tyuremnaya subkul'tura v prostranstve kul'turnykh praktik. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. doktora kul'tur* [Prison subculture in the space of cultural practices. Doctor of Culture dissertation abstract]. Saratov, 2013. 42 p.
15. Tкачева E.P. Game function in prison subculture. *Vestnik VyatGU=Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-igry-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
16. Yunusov A.A., Yunusov S.A., Zhezlov N.V. Prevention of the spread of subculture among those sentenced to imprisonment through the organization of religious education. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki=Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice*, 2017, no. 4, pp. 51–53. (In Russ.).
17. Percival G.L. *Smart on Crime: The Struggle to Build a Better American Penal System*. CRC Press, 2015. 265 p.

18. Cavadino M., Dignan J., Mair G., Bennett J. *The Penal System: An Introduction*. SAGE Publications, 2019. 413 p.
19. Weston J. *Medicine, the Penal System and Sexual Crimes in England, 1919-1960s: Diagnosing Deviance*. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 263 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ГАЛИЧ – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Статья поступила 10.10.2020